

УДК 821.161.1(092)

В. В. Любецкая

Словесный лад и эпическое мышление в творчестве Н. В. Гоголя

Стаття присвячена розгляду словесного ладу, пов'язаного у М. В. Гоголя з епічним мисленням, цілокупним за своєю суттю. Осмислюється епічний виток у повісті "Тарас Бульба", а також світ "меншої епопеї" – поеми "Мертві душі". Наголошується, що епічне мислення М. В. Гоголя наповнене священно-символічним змістом, а споконвічна сутність мови міститься в ладі, у священно-онтологічному.

Ключові слова: епічне мислення, словесний лад, "менша епопея", стиль-прозоріння.

Статья посвящена рассмотрению словесного лада, связанного у Н. В. Гоголя с эпическим мышлением, целокупным по своей сути. Осмысливается эпическое начало в повести "Тарас Бульба", а также мир "меньшей эпопеи" – поэмы "Мертвые души". Отмечается, что эпическое мышление Н. В. Гоголя наполнено священно-символическим смыслом, а изначальное существование языка заключено в ладе, в священно-онтологическом.

Ключевые слова: эпическое мышление, словесный лад, "меньшая эпопея", стиль-ведение.

The article considers the verbal tune bound at N.V. Gogol's epic thinking, which is integral by nature. The beginning of the epic novel "Taras Bulba" and the world of "less epic" – the poem "Dead Souls" are comprehended. It is noted that the epic thinking of N. V. Gogol is filled with sacred-symbolic meaning, and the original language is concluded in a tune, in the sacred-ontological.

Key words: epic thinking, verbal tune, "the less epic", style-sense.

Осмысление творчества и духовного наследия Н. В. Гоголя – всегда актуальная проблема не только для литературоведов, но и для историков, философов нынешнего времени. Появляется множество работ, содержащих тонкие наблюдения над художественным стилем писателя, активно исследуется поэтика второго тома поэмы "Мертвые души", библейские мотивы, новая эстетика художественного слова, рассматриваются жанровые особенности

последних произведений Н. В. Гоголя – "Выбранных мест из переписки с друзьями", а также "Размышлений о Божественной Литургии" (В. И. Мацапура, П. В. Михед, В. Б. Мусий, А. К. Павельева, Н. М. Сквиря).

Уникальность Н. В. Гоголя состоит в том, что он и абсолютный художник, положивший начало "великой русской литературы", и духовидец, что немаловажно как для отечественной, так и для мировой культуры. Сперва остановимся на Гоголе-художнике, Гоголе-творце, с его многосмысленным и живописным стилем, с эйдосной доминантой в нем. Внимание акцентируется в первую очередь на художественном, потому что творческое развитие стиля Н. В. Гоголя происходит в сфере эстетической. "Выисканность" гоголевского слога, особенности видения мира, смех и страх – это все то, что изначально отличает стиль Н. В. Гоголя. Позже видение переходит в ведение, за картиной мира прозревается икона мира, и словесный лад (онтологический первоисточник языка), изначально присущий творчеству писателя, в эстетической форме приобретает свое иносуществование в поэтическом искусстве.

Со словесным ладом связано и эпическое мышление, мышление целокупное по своей сути. Н. В. Гоголь стремится к созданию такого цельного и нераздельного творения, где вполне могла бы исчезнуть гоголевская двойственность, все погрузилось бы в гармонию, и бытие предстало бы в его целостности. В статье "В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность" Н. В. Гоголь определил источники русской поэзии: песни, слово подвижников и народное слово: "... в нашей поэзии есть очень много своего. Самородный ключ ее уже бил в груди народа тогда, как самое имя еще не было ни на чьих устах. Струи его пробиваются в наших песнях ... Струи его пробиваются в пословицах наших, в которых видна необыкновенная полнота народного ума ... Струи его пробиваются, наконец, в самом слове церковных пастырей – слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту ... святого бесстрастия" [1, т. 6, с. 321]. Как утверждает И. П. Золотусский, все эти истоки есть в "Тарасе Бульбе": "Созданная как бы в дополнение к "Мертвым душам", эта повесть Гоголя стала самым цельным и нераздельным его творением" [2, с. 340]. Мироустройство Запорожской Сечи можно назвать эпическим: это единство и согласие, царящие в казацком воинстве, духовное братство запорожцев, святое для них "товарищество".

В "Тарасе Бульбе" именно "товарищество" – первооснова отношений, связанная с приоритетом общих коллективных задач над частными, индивидуальными интересами. В повести, как в подлинном эпическом событии, нет ни одного произвольного поступка, повествуется всегда о действиях далеко не случайных, а вплетенных в целостность своего времени и в состояние нации. Действительность изображается во всей своей совокупности, и личность в пределах широко развернутого эпического мира действует в рамках общих интересов, как и полагается действовать эпическому герою (такой герой – Тарас Бульба, воин-пророк, воплощающий единство слова и дела).

По справедливому замечанию И. П. Золотусского, "козаки у Гоголя – стихия ... Но как только падает в эту толпу искра "великого чувства" (а "великое чувство для Гоголя чувство, в одно мгновение переживаемое *всеми*), то валы согласно и нерушимо катятся в одну сторону, – горе той силе, которая хотела бы повернуть этот "миллион народа" вспять" [2, с. 327]. Казаки, ведущие бранную жизнь, оберегают свое Отечество от врагов. Их битвы с ляхами сопоставляются с поединками былинных богатырей, выступающих против врагов земли Русской. Сразу отметим, что оппозиция "свои – чужие" – эпическая в своей основе. Неузнаваемой, а главное единой, Сечь делает чувство общей беды и общей боли за свое Отечество. Это знание того, для чего и зачем жить, то есть, только когда у народа появляется такое знание и цель – он народ. Об общей цели, цели народной, печется Тарас Бульба, через которого говорит и зрит сам Н. В. Гоголь, наделивший своего героя силой опыта народного и народной мудрости: "Так, стало быть, следует, чтобы пропадала даром козацкая сила ... чтоб человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы на отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого черта мы живем?" [3, т. 2, с. 57]. Речи Тараса полны пылающего восторга: "Слишком сильны в них интонации самого Гоголя. Песня, горящая строка летописи, ритмика посланий святых апостолов – одним словом, зрелый Гоголь, полный Гоголь, – Гоголь, изощривший свое перо в писании "Мертвых душ", в штудировании древних источников, – слышен здесь" [2, с. 334]. Сечь, преображенная целью, делает одно дело, все пульсирует в одном ритме: "Ритм прозы отзывается на единое дыхание народа" [2, с. 328]. Единое дыхание, действие – смысл "товарищества". И само товарищество – это такое пространство, проникнутое ладом, где каждому и всем есть место.

"Разумеется, товарищество еще не совпадает с соборностью во всей полноте, оно есть своего рода низшая ступень ее, но осмысленные идеи "Тараса Бульбы" без этой категории останутся неполными" [4, с. 408]. Тарас говорит так: "Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество ... Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей!.. Нет, братцы, так любить как русская душа, – любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе... Нет, так любить никто не может!" [3, т. 2, с. 116].

Н. В. Гоголь, как эпический повествователь, обладает "всеведением", разнообразно открывая красоту мира и проникая в глубины человеческого духа. Мир "Тараса Бульбы", как мир эпопеи, является миром "начал" и "вершин" национальной истории, миром отцов и родоначальников, миром "первых" и "лучших" [5, с. 204]. Как повесть о национальном героическом прошлом, "Тарас Бульба" самая историческая вещь Н. В. Гоголя: "историческая не в смысле строгого соответствия фактам (этого-то как раз нет), а в смысле верности духу истории, ставящей в центре своего летописания народ" [2, с. 331].

В этой повести В. Г. Белинский видел величайший образец художественного эпоса: "Тарас Бульба" есть отрывок, эпизод из великой эпопеи жизни целого народа. Если в наше время возможна гомеровская эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!" [6, т. 3, с. 233]. Повесть эта стала апофеозом мужества, отваги и патриотизма; основой жизни является вольность и "товарищество", одухотворенные чувством любви к Родине и к истинной вере русского народа.

Повесть "Тарас Бульба" в своей поздней редакции можно соотносить с таким литературным памятником, как "Слово о полку Игореве": "Новая редакция "Тараса Бульбы" не могла бы явиться на свет, не будь "Слова о полку Игореве". Все сближает эти два великих творения русской литературы – и поэтическое напряжение слова, и исторический момент, который выбран авторами, и боль за целостность Руси" [2, с. 333]. "Слово о полку Тарасовом" сделалось словом о всей Русской земле, в котором *хранится память о ладе* и

православное казачество укрепляет волю к нему, оно сосредоточено на достижении лада посредством уз "братского товарищества", которое сильнее любви: "Везде видна та сила, радость, могущество, с какою козак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв... Упрямый, непреклонный, он спешит в степи, в вольницу товарищей ... Узы этого братства для него выше всего, сильнее любви ... умирающий козак... собирает все силы, чтобы не умереть, не взглянув еще раз на своих товарищей... Увидевши их, он насыщается и умирает" [3, т. 6, с. 68–69]. Идея "товарищества" противопоставлена индивидуализму, она выше "идеи судьбы". Эту идею воплощает собой младший сын Тараса – Андрий; показательна его гибельная доля. Отец предрекает, что Андрия "не доведут ... бабы к добру" [3, т. 2, с. 79]. Однако вместо "товарищей" Андрий выбирает "свою судьбу". Даже прекрасная полячка знает о том, что казаку нельзя любить ее: "... знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы враги тебе" [3, т. 2, с. 91]. Но для Андрия, ставшего героем личной драмы, все, о чем говорит полячка уже не имеет значения: "А что мне отец, товарищи и отчизна? ... Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! ... Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша ... Отчизна моя – ты! ... И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!" [3, т. 2, с. 91–92]. Противопоставление общего, сверхличного частному, индивидуальному наиболее ярко воплощено в сюжетной линии Андрия. Анализируя данный образ, трудно найти черты, свойственные эпическому герою. Для "товарищества" Андрий погибает: "И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своей чуприны и проклянет и день, и час, в который породил на позор себе такого сына" [3, т. 2, с. 92]. Совсем по иному воспринимает мир старший брат Андрия – Остап. Ему, как эпическому герою, свойственно героическое восприятие действительности (стоит вспомнить казнь Остапа, как стоически он расстается с жизнью). У души Остапа есть Родина, и душа не душа, если покидает она свое Отечество.

В повести "Тарас Бульба" присутствует ярко выраженная эпическая окраска, однако есть и элементы деэпизации, что говорит как об утверждении эпического мира, так и о его разрушении.

Вместе с тем многие исследователи справедливо настаивают на доминантном положении эпического начала (А. Н. Архангельский, В. А. Зарецкий, Н. Д. Тамарченко, В. В. Федоров), которое в "Тарасе Бульбе" является "руководящим". Данное утверждение также подкрепляется многочисленными примерами. Частично мы коснулись проблемы эпического мышления, связанного с ладом, осмысливая повесть "Тарас Бульба" в данной статье.

"Восторг и ненависть" у современников писателя вызвала его необычная поэма – "Мертвые души". Удивительно, что такое неоднозначное в жанровом определении произведение, и в некотором смысле незаконченное творение, становится точкой отсчета для литературной действительности. Значение "Мертвых душ" велико, но противопоставлять поэму предшествующему творчеству писателя не имеет смысла, так как без "Вечеров на хуторе близ Диканьки", "Миргорода", петербургских повестей, "Ревизора" не могло бы быть и "Мертвых душ" – поэмы гениальной, вмещающей в себя весь громадный художественный опыт зрелого Н. В. Гоголя, переходящего от "сияющих чудес" к охвату "громадной действительности". "Мертвые души" Н. В. Гоголя часто сравнивают с гомеровской "Илиадой". Сам Н. В. Гоголь был рад сопоставлению своей поэмы с поэмой Гомера: "Косвенно он давал понять, что сходство есть – не в материале, а в *масштабе*, в замысле и в духовном просторе, который он стремился обнять. Простор накладывается на простор. Чичиков в отличие от своих предшественников *вырывался*. До него, может быть, один Тарас Бульба смог это сделать" [2, с. 235].

Н. В. Гоголь склоняется к тому, что его творение именно поэма. Такое непривычное определение прозаического произведения Н. В. Гоголь несколько позднее обосновал теоретически в своих набросках к "Учебной книге словесности для русского юношества". Поясняя различие эпопеи и роман, Н. В. Гоголь пишет: "Величайшее, полнейшее, огромнейшее и многостороннейшее из всех созданий драматическо-повествовательных есть эпопея ... Эпопея объемлет не некоторые черты, но всю эпоху времени ... Поэтому эпопея есть создание всемирное, принадлежащее всем народам и векам, долговечнейшее, не стареющее и вечно живое, и потому вечно повторяющееся в устах" [1, т. 6, с. 381]. Для эпопеи поэту необходимо соединить в себе "высокое совершенство всех качеств ... сверх высочайшего гения" [1, т. 6, с. 381]. Конечно, и роман, несмотря на то, что он в прозе, может быть высоким поэтическим созданием,

но роман не есть эпопея. "Роман не берет всю жизнь, но замечательное происшествие в жизни, такое, которое заставило обнаружиться в блестящем виде жизнь, несмотря на условное пространство" [1, т. 6, с. 385]. Роман как тип сочинения "слишком условленный", то есть условный. По мнению Н. В. Гоголя рамки романа были чересчур тесными для "Мертвых душ", а точнее не соответствующими той художественной задаче, которую он перед собой ставил.

Кроме указанных двух важнейших видов повествовательной литературы, Н. В. Гоголь выделяет еще один, не обозначенный в современной ему теории словесности, – "меньший род эпопеи". Этот жанр "составляет как бы средину между романом и эпопеей, героем которого бывает хотя частное и невидное лицо, но, однако же, значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой" [1, т. 6, с. 382]. Далее Н. В. Гоголь отмечает и другие немаловажные черты "меньшей эпопеи", имеющие непосредственное отношение к его поэме "Мертвые души": "Многие из них хотя писаны и в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим. Всемирности нет, но есть и бывает полный эпический объем замечательных частных явлений" [1, т. 6, с. 382]. Сюда же отнесем и умение автора "меньшей эпопеи" нарисовать "статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего" [1, т. 6, с. 382]. По мнению С. И. Машинского, "совершенно очевидно, что большинство признаков малой эпопеи вполне совпадают с нашим представлением о "Мертвых душах". Можно вполне достоверно предположить, что вся обобщающая характеристика этого жанра в значительной мере основывалась у Гоголя на анализе его собственного сочинения" [7, с. 278]. Как большой эпический художник, Н. В. Гоголь создает свою форму, подходящую как нельзя лучше для бесконечно разнообразного содержания "Мертвых душ". "Мертвые души" образуют своеобразную жанровую структуру, неизвестную прежде ни в русской, ни в мировой литературе. Каждый персонаж поэмы имеет существенное значение в общей идейной и художественной концепции произведения. "Сюжет поэмы глубоко новаторский ... Гоголь напряженно, мучительно искал единства, при котором каждое новое передвижение чичиковской брички все

шире живописало бы российскую действительность и все глубже раскрывало бы художественную идею произведения" [7, с. 283].

Н. В. Гоголь сознательно стремится к всеохватному эпическому мышлению в своем произведении. Повествование у Н. В. Гоголя часто переходит в *сказывание*, являющееся организующим началом и характеризующее эпический род. Прямое слово автора в поэме всегда манично, в отличие от непрямого, относящегося к сфере сатирического и являющегося по природе своей и сути миметичным. Эпическое мышление Н. В. Гоголя наполнено священно-символическим смыслом, но изначальное существо языка заключено в ладе, в священно-онтологическом. Автор поэмы "Мертвые души" не путешествует, но паломничает к логосу предмета (замыслу Бога о нем), что является свидетельством присутствия словесного лада в его произведении.

В своем последующем творчестве, после "религиозного перелома", Н. В. Гоголь все больше обращен к жизни вечной, меняется поэтический язык писателя, наполняясь благодатным ладом, который и становится ключом ко всему творчеству писателя. О важных изменениях, произошедших в жизни и повлиявших на творчество писателя, Н. В. Гоголь пишет в письме к А. О. Смирновой: "... Событие, во мне случившееся, случилось не во вред искусству, но к возвышению искусства" (Н. В. Гоголь – А. О. Смирновой, май 1847 года). Таким образом, Н. В. Гоголь никогда не переставал быть художником, и это определенно сказывается в синтезе философских и эстетических точек зрения, в особенностях его эпического мышления, и в словесном ладе, наполняющем произведение писателя священно-онтологическим смыслом.

Литература

1. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Худож. лит., 1984–1986.
Т. 6 : Статьи 1831–1847. – 1986. – 543 с.
2. Золотусский И. П. Гоголь / И. П. Золотусский. – 2-е изд., исправ. и доп. – М. : Мол. Гвардия, 1984. – 527 с.
3. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 6 т. / Н. В. Гоголь. – М. : ГИХЛ, 1952–1953.
Т. 2 : Миргород. – 1952. – 338 с.
Т. 6 : Избранные статьи и письма. – 1953. – 455 с.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература / М. М. Дунаев. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Христианская литература, 2001. – 733 с.

5. Бахтин М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 304 с.

6. Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. / В. Г. Белинский. – М. : ГИХЛ, 1948.

Т. 3 : Статьи и рецензии. 1843–1848. – 928 с.

7. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М. : Просвещение, 1971. – 512 с.